

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

24

Москва • 2023

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, С. А. Борисов, И. А. Букринская,
Ж. Ж. Варбот, А. Д. Васюков, И. А. Горбушина, П. И. Долгополов,
С. В. Дьяченко, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, Н. И. Киреев,
С. В. Князев, М. М. Кондратенко, С. А. Мызников, С. Л. Николаев,
Г. П. Пилипенко, Биляна М. Савич, М. Н. Саенко, С. С. Скорвид,
М. Н. Толстая, Дияна М. Црняк, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. И. И. Исаев, к.ф.н. М. М. Валенцова

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. – 292 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 24) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 7–8 июня 2022 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 7–8th, 2022 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0493-0
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2023.24 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

<i>М. Н. Саенко.</i> Праславянские «редуцированные» и гласные <i>и</i> и <i>і</i> в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели.....	5
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном балто-славянском лексическом соответствии ..	40
<i>А. Ф. Журавлёв.</i> Восточнославянские этимологии (3. Укр. диал. <i>батюта</i> . 4. Русск. <i>барахло</i> . 5. Укр. диал. <i>рахо́м'је</i> , белорус. диал. <i>рахамо́цье</i>)	43
<i>П. И. Долгополов, Н. И. Киреев.</i> Праславянское * <i>goľь</i> в зеркале некоторых дериватов	51
<i>М. М. Кондратенко.</i> Заимствования в славянских народных обозначениях времени	76
<i>А. Д. Васюков.</i> Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации	88
<i>С. С. Скорвид.</i> О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР.....	101
<i>Н. Е. Ананьева.</i> YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров	122
<i>Диана М. Црняк, Биляна М. Савич.</i> Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки	132
<i>М. М. Алексева.</i> Детский лексикон в карпатоукраинских говорах	152
<i>Т. В. Шалаева.</i> О суффиксе существительных <i>-ой-</i> в русских диалектах ...	173
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии	181
<i>С. А. Мызников.</i> Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья	194
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко.</i> Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах	205

<i>И. А. Горбушина. Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. бутор) .....</i>	<i>229</i>
<i>Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов. Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия) .....</i>	<i>236</i>
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура .....</i>	<i>246</i>

П. И. Долгополов,
Н. И. Киреев
(Москва)

Праславянское *golь в зеркале некоторых дериватов¹

В статье предлагается уточнение семантики праславянского корня **gol-* / прилагательного *golь с помощью лингвогеографического анализа нескольких производных слов. Основная часть работы посвящена слову *golьсь в значении ‘безбородый юноша’. Обнаруживается, что континуанты этого существительного наиболее распространены в чешском и лужицких языках, а также зафиксированы в некоторых польских, хорватских и словенских диалектах. Привлекается внимание к ранее не замеченному наукой белорусскому слову *голец*, неоднократно встречающемуся в поэзии Якуба Коласа; выдвигается гипотеза о польском происхождении этого существительного в белорусском. Разбирается традиционно считающийся тёмным контекст из новгородской грамоты Ивана Тойвита начала XV века, для слова *голец* предлагается интерпретация ‘голый участок земли’. Впервые подробно рассматривается история рус. *оголец* ‘сорванец’, делается вывод, что его исходное значение связано с бедностью; далее аргументируется идея, что оно этимологически не связано с *golьсь. В следующем разделе публикации на основе хронологического анализа отстаивается старая гипотеза, что значение ‘брить’ у глагола *голити* в восточнославянских диалектах возникло под польским влиянием; отмечается, что в болгарском и македонском у когнатов этого глагола такая семантика также не отмечается. В заключении выдвигается тезис, что значения корня **gol-*, связанные с безволосостью, не были известны предковым диалектам восточнославянской и болгаро-македонской зон. Таким образом, наш анализ свидетельствует, что семантика корня **gol-* могла быть различной уже в праславянских диалектах, и иллюстрирует значение диалектологических изысканий для семантической реконструкции.

Ключевые слова: семантическая реконструкция, лингвогеография, диалектная лексика, этимология, диалекты праславянского языка, деривационная семантика, словообразование.

---

¹ Авторы благодарят за ценные советы и замечания А. О. Зубелевича, О. А. Остапчук, В. А. Плунгяна, М. Пташинского, М. Н. Саенко.

І. Введение

Как отмечалось в литературе, значение праслав. **nagъ*, судя по континуантам, сфокусировано вокруг неодетости, а **golъ* — «это прежде всего безволосая, лишённая растительности и как бы гладкая поверхность» [ЭССЯ 7: 15; ЭССЯ 22: 7–72], что в общем подтверждается предполагаемыми когнатами за пределами славянских языков [Аникин 11: 171].

Мы утверждаем, что в действительности ситуация несколько более сложная: семантика корня **gol-* различалась уже в праславянских диалектах. Мы предлагаем для прояснения этого вопроса обратиться к лингвогеографии некоторых производных слов с этим корнем.

Для праслав. **golъсь* ‘что-то голое’ (‘coś gołego’) (давшего в языках-потомках слова с разнообразной семантикой, в частности русский ихтионим *голец*) восстанавливается диалектное значение ‘безбородый юноша’ (‘młodzieniec bez zarostu’) [SP 8: 76–77] (ср. [Miklosich 1886: 71; Первольф 1886: 131; Брандт 1889: 122]).

Особняком стоит мнение Г. Шустер-Шевца, который предполагал «изначальное значение ‘новорождённое существо’ или ‘лысый, голый объект’» («urspr[ü]ngliche] Bed[eutung] ‘junggeborenes Wesen’ bzw. ‘kahler, nackter Gegenstand’») [Schuster-Šewc 5: 315, s. v. *hólč*]. Эта идея кажется недостаточно обоснованной в свете того, что от значения ‘новорожденное существо’ (или ‘неоперившийся птенец’) естественен скорее переход к значению ‘младенец; мальчик, девочка’, которое слабо зафиксировано у рефлексов праслав. **golъсь* (предположительно — только в лужицких; вопреки реконструкции [SP 8: 76–77]). Идея Шустер-Шевца более подходит для объяснения праслав. **golę*, особенно в свете укр. *голя*, р. п. *голяти* ‘неоперившийся птенец’ [SP 8: 24; ЭССЯ 6: 204], поэтому неразделение этих путей семантического развития у Ж. Ж. Варбот [1976: 118], возможно, является некоторым упрощением ситуации.

Основная часть статьи посвящена континуантам праслав. **golъсь*. Далее разбирается география значений праслав. **goliti*. В заключении подводятся итоги.

II. **golъсь*

В разделах 1–3 разбирается предположительно связанный с интересующим нас словом западнославянский материал, в разделах 4 — южнославянский, 5–8 — восточнославянский.

1. Чешские и словацкие лексемы

Рассмотрим слова со значением типа ‘парень’ и корнем *hol-*, распространённые в чешско-словацкой зоне. Заметно, что в чешском языке они весьма разнообразны, в том числе стилистически. Чеш. *holec*, *holeček* ‘юноша’ в словаре [SSJČ] считаются устаревшими (однако в [PSJČ] без помет). *Holek* с тем же значением мы нашли в [KLA] и в [Šumavský 1851: 145]. В то же время *hoch* ‘парень’ — нейтральное слово, образованное, однако, с помощью экспрессивного суффикса *-ch* [Rejzek: 210] (о суффиксе подробнее см. [Stankiewicz 1986: 259–263]). От *hoch* в свою очередь образуются разговорные варианты *hoša*, *hošan*, *hošánek* (с негативным оттенком, ‘малец’), *hošek*, *hošíček*, *hošík* (по [SSJČ]).

Отметим существование однокоренных слов, означающих ‘девушка, девочка’: в чешском это *holka*, *holčička* [SSJČ]².

В литературном словацком языке нет простых (не составных) слов с корнем *hol-*, означающих парня, однако [Káral 1923: 175] фиксирует диалектное словацкое *holec* ‘парень’. Диалектный словарь [SSN] приводит слово *holec*, но только в значении ‘наголо стриженный парень’. Также не находим обозначений девушки с корнем *hol-*. Любопытна в свете исследуемых лексем этимология слова *paholok* ‘(молодой) слуга; парень’, предложенная в [Králík 2015]. Оно возводится к праславянскому *paoholь (ср. польск. *pachol* ‘слуга’, в.-луж. *pachol* ‘парень’; см. [ЭССЯ 40: 212]), а мена исходного *-ch-* на *-h-* объясняется влиянием диалектного *holec*.

2. Польские лексемы

Основные значения слова *golec* в современном польском языке — ‘голый человек’ и ‘бедняк’; свидетельства значения ‘парень’ или ‘мальчик’ довольно скудны. [SP 8: 76] приводит это значение со ссылкой на диалектные словари [SGP 1901] и [DPŚ 1939].

[SGP 1901: 100] ссылается на [Malinowski 1893: 36]. Там фигурирует слово *holec*, объяснённое как *chłopak*, причём явно указывается, что оно является чешским заимствованием.

В [DPŚ 1939: 199] находим *γolec* с толкованием «*dorastający parobczak, około 18-letni*» (т. е. ‘молодой слуга, примерно 18-летний’). При этом автор отмечает [там же: 84–85], что звук, обозначаемый буквой *γ*,

² Устоявшаяся в литературе точка зрения на такие обозначения девушек заключается в том, что они вторичны — образованы после дестимологизации лексем со значением ‘парень’, см. [Miklosich 1886: 71; Первольф 1886: 131; Брандт 1889: 122].

встречается в силезских говорах только в заимствованиях из чешского или из немецкого через чешское посредство.

В общих толковых словарях интересующее нас значение отсутствует.

В старопольских текстах это слово не зафиксировано [SSp 2/6]. Удаётся найти несколько употреблений *golec* в интересующем нас значении, которые относятся к XVII веку:

1. Nie ledaczego się ten pewnie złąknie *golec*;
Wždy przed najmniejszą zwadą wprzód idzie na stolec. [Potocki 1987: 403]
2. Ach trudnoż się to z grzybka przetworzyć na *golca*
I myśleć o kobiercu, komu trzeba stolca. [Potocki 1907: 184]
3. Stary *golec* w komendy (заглавие) [там же]
4. Gdy widzę przy udatnej Maworsa Cyprydzie,
Czemu temu *golcowi* tak się siłę zejdzie,
Wulkan zasię, a czemuż? Bo już siły mało,
Dosyć chęci, cóż po tem, niedołążne ciało. [Kochowski 1859: 124]
5. Staremu *golcowi*.
Młodyś, lecz z starą twarzą, aleć przecię znaczy,
Lata twe ta gorczyzka, żeś po starej klaczy. [Там же: 64]

Отметим, что авторы процитированных стихотворений родились в южной Польше, поэтому не стоит исключать чешское происхождение слова *golec*.

В [SGP 1901: 101] приводятся слова *golka* (со ссылкой на [Kolberg 1877: 34]), *holka* (со ссылкой на [Bystroń 1887: 32] и [Kosiński 1891: 23]) — ‘девушка’. Второе написание явно свидетельствует о чешском заимствовании. И действительно, статья В. Косинского называется «Niektóre właściwości mowy pisarzowickiej» (Писажовице — деревня на юге Польши), и в статье *holka* здесь упоминается чешское и словацкое (!)³ *holka*. Напротив, слово *golka*, как сообщается в [Kolberg 1877: 34], было записано в городе Вельень на великопольской территории (ср. также *golka* в [SGP 2013: 598]), так что чешское влияние здесь практически исключено; это свидетельство слишком изолированно, но, возможно, *golka* является каким-то независимым образованием.

3. Лужицкие лексемы

Очень распространены разнообразные слова со значением ‘парень, мальчик’ и корнем *hol-/gol-* в лужицких языках: в верхнелужицком мы

³ Других следов этого слова нами не обнаружено.

находим *hólc*, *hóľčik* ‘мальчик, парень’; *hóľčec* ‘паренёк, довольно большой мальчик’; *hóľčo*, *hóľčatko* ‘маленький мальчик’; *hóľčisko* ‘большой или невоспитанный мальчик’ [Soblex; Pfuhl 1866]. В нижнелужицком: *gólc*, *góľcyk*, *góľcyck*, *góľack*, *góľick*, *góľcysko*, *góľcyšco* [Starosta 1999]. Так же разнообразны и аналогичные слова, называющие девушек (девочек): в верхнелужицком *holca*, *holčka*, *holčička*, *holčatko*, *holičo*, *holečo*, *holčo* [Soblex], *holička* (в лексикографии не отмечено, однако хорошо представлено в корпусе [hotko_v2]); в нижнелужицком *góľca*, *góľcycka*, *góľica*, *góľicka* [Starosta 1999]. В [Starosta 1999] у слов *góľica*, *góľicka* отмечены также диалектные значения ‘geschälte Rübe’ и ‘getrocknete Möhre’ (т. е. ‘чищенная репа или свёкла’ и ‘сушёная морковь’).

Морфемная структура некоторых из этих слов довольно необычна. Так, кажется нестандартной пара в.-луж. *hólc* — *holca*, н.-луж. *gólc* — *góľca*, так как существительные с суффиксом *-ьca*, обозначающие людей, в славянских языках мужского рода [Halla-aho 2006: 86]. Однако Гинц Шустер-Шевц предложил воспринимать в.-луж. *holca* и н.-луж. *góľca* как *golic с выпавшим из-за редукции *i* (ударение во всех этих словах инициальное, так что редукции может подвергаться любой непервый слог) [Schuster-Šewc 5: 315] (это решение имплицитно принято в [ЭССЯ 6: 207]).

В немецких глоссах лужицкое *hólc* / *gólc* фиксируется уже в начале XVI века [Eichler 1965: 39–40]. Слова *holz*, *hulcz* (= *hólc*, *hóľčo*) встречаются в верхнелужицком переводе Нового Завета 1706 года (в параллельном немецком тексте в обоих случаях *Knabe*) [Frenzel 1706: 552].

4. Южнославянские лексемы

Слова с корнем *gol-*, обозначающие юношей и девушек, распространены в некоторых южнославянских идиомах, хотя они отсутствуют в южнославянских литературных языках и, по-видимому, не зафиксированы в средневековой южнославянской письменности (во всяком случае, их нет в словаре [Даничић 1863]). Так, и в [RHSJ 3: 249, 252], и в [РСКНЈ III: 430, 436, 438] есть следующие хорватские лексемы: *gòlac* (*góľca*) ‘юноша’ (другие значения: ‘молодая птица без перьев’, ‘скумбрия’, ‘плод с кожурой’ и др.), *gòlica* ‘девушка’ (другие значения: ‘голая девочка’, ‘рыба *Ammorleurops lacteus*’, ‘вид пшеницы без ости’, ‘вид груши, персика, абрикоса с гладкой кожей’), аугментатив *gòličina* ‘девушка’. Только [RHSJ 3: 250] фиксирует аугментатив *golčina* ‘юноша’, только [РСКНЈ

III: 438] — диминутив *gòličica* ‘девушка’. Как можно понять по пометам в словарях, все эти слова в интересующих нас значениях распространены примерно в одной области чакавских диалектов: Истрия, острова залива Кварнер, северо-запад Хорватии.

Словенское *gòlz* (= *golec*) зафиксировано уже в словаре [Pohlin 1781: 68] с нем. *Unmannbar* и лат. *impubes* (‘не возмужалый’) в качестве параллелей.

Словенские слова *gòlec* ‘безбородый юноша, мальчик’ и *gòlica* ‘девочка’ записаны в [Pleteršnik I: 227]. Там же приводятся другие значения этих слов: *golec* ‘ещё неоперённый птенец’, ‘голая, малолесная гора, заснеженная гора’ и др.; *gòlica* ‘голый склон’, ‘палка без сучков или молодое дерево’, ‘пшеница без зерна’ и др. Словенское *golec* ‘юноша’ встретилось нам также в [Robinson mlajši]:

6. Potem je hotel Robinson vardeti — izkùsiti, če bi mogla s Petkom Španijéla k čolnu dovesti — pripeljati, pak mladi Petek, močni junoh — junak — mladenec — golec, je vzel Španijéla, kor gde kako maličkost na ramena, ino ga je sam k Čolnu donesel. [Robinson mlajši, 1849]

Это перевод произведения чешского писателя Вацлава Матея Крамериуса «Mladší Robinson». Издание предназначалось для словенской молодёжи, говорящей на разных диалектах, поэтому в нём часто встречаются ряды синонимичных слов, распространённых в разных частях словеноязычной территории. Как видим, *golec* стоит именно в таком ряду.

Свидетельств существования значения ‘парень’ или ‘мальчик’ у слова *golec* в болгаро-македонской зоне мы не обнаружили.

5. Об одном уникальном слове у Якуба Коласа

В творчестве белорусского поэта Якуба Коласа (1882–1956) трижды встречается слово *голец*:

7. А гэты ветрык дураслівы
Траве зялёнай чэша грывы,
Ў садку жартуе з верабінай,
Як *голец*-хлопец той з дзяўчынай,
І валасы зялёным стрэхам
У лесе гойдае са смехам. [Колас 6: 16] («Новая зямля»); соответствующая глава была написана в 1911 году, см. [Колас 1952: 490]
8. Не — тут не гэтая прычына,
Хоць ён і *голец*-малайчына,

Прыгожы, з сэрцам залатым,
 А проста ёй было цікава
 Пазнаць крыху бліжэй яго,
 Ну хоць як ворага свайго... [Колас 10: 244] («На шляхах волі», 1926–1935, 1955–1956)

9. Лён-валосікі ды ў кольцы

Пазакручаны.

Пазайздросцяць хлопцы-гольцы

Такой штучыне. [Колас 3: 231] («Міхасёвы прыгоды», не позже 1935)

Никаких других следов употребления этого слова в белорусском нам не удалось найти; оно полностью игнорируется в лингвистической литературе и отсутствует даже в словаре [Арашонкава, Чабатар 2003], в котором документируется специфическая лексика Коласа (издан Институтом языкознания имени Якуба Коласа!)⁴.

Судя по контексту, это некий эпитет юноши, близкий к словам, рассмотренным в предыдущих разделах. Однако трудность представляет ударение: образование от прилагательного исторической акцентной парадигмы *b* с этим суффиксом должно иметь ударение на последнем слоге; или, в других терминах, правоударная морфема *-гол-* плюс правоударная морфема *-ыц-ь* даёт по общему правилу ударение на втором слоге (см. [Зализняк 2019: 34, 439])⁵, ср. *мудрэц, мярцьвёц, удавёц* ‘вдовец’ и т. д.

Это, а также соседство со словом *хлопец* в двух употреблениях⁶, наводит на мысль о заимствовании из польского⁷.

6. К семантической истории русск. *оголёц*

О. Н. Трубачёв [1963: 170] выдвинул тезис, что русское просторечное *оголец* ‘озорник, сорванец’ является таким же продолжением праслав. *golvьsь, как и словен. *golec* или чеш. *holec*; в дальнейшем эту идею подержали Ж. Ж. Варбот [1976: 118] и (без ссылки на Трубачёва) Л. В. Кур-

⁴ Это *tris legomenon* осталось незамеченным и в [ЭССЯ 7: 17–18; SP 8: 76–77].

⁵ Ср. болг. топоним *Голёц* [БЕР 1: 262], словен. диал. *golec* и *golica* [Pleteršnik I: 227], хрв. *gòlac* [RHSJ 3: 249].

⁶ Ср. примеры употребления *хлопец* с другими полонизмами в словаре эпитетов [Гаўрош 1998: 506].

⁷ Вызывает удивление знание Коласом не самого распространённого польского диалектного слова, однако трудно предложить другие объяснения. Возможно, в дальнейшем обнаружатся свидетельства существования этого полонизма в белорусских говорах.

кина [1992: 134–135], но это слово не фигурирует s. v. *golʹsʹ в обоих праславянских словарях [ЭССЯ 7: 17–18; SP 8: 76–77]⁸.

Попробуем уточнить историю этой лексемы, никогда подробно не обсуждавшейся в литературе. Её нет в словарях древне- и старорусской письменности [СДРЯ 6; СРЯ XI–XVII 12], не засвидетельствовано оно и в XVIII веке [СРЯ XVIII 16]. Судя по поиску в Google Books (<https://books.google.com/>) и NathiTrust (<https://www.hathitrust.org/>), в XIX веке это слово иногда фигурирует для обозначения рыбы голец, чаще в диалектных записях.

В [НКРЯ] первый пример ихтионима — 1908 г., первый надёжный пример на обозначение мальчика — 1916 г.

Самые ранние обнаруженные нами употребления относятся к рубежу XIX–XX веков, и все предельно конкретны — они относятся к нищим детям, живущим на Хитровском рынке в Москве⁹:

10. Еще хуже питание детей, живущих на Хитровке, так называемых «*огольцов*». Обедать им приходится в редких случаях, когда благотворители заказывают обеды в харчевнях. Большею частью *огольцы* едят то, что другими выбрасывается, и зачастую отнимают у пьяных нищих собранные ими куски хлеба; вообще же они бывают вечно голодными. [Курнин 1898: 45]

Далее это слово начинает активно употребляться в многочисленных публикациях об этом месте. Например, в докладе о Ляпинском ночлежном доме¹⁰, прочтённом 4 мая 1900 года:

11. Преобладающий контингент ночлежников — профессиональные нищие; очень много мальчиков-подростков, так называемых «*огольцов*», которых нередко можно встретить по двое на одной койке. [На интересующее нас слово дана сноска:] Местное прозвище — «Гуревичева шпанка»; большую часть дня *огольцы* проводят в местном трактире «Гуревича», пропивая собранную милостыню и часто верхнее платье [Ляпинский 1901: 45].

Слово фиксируется в первых словарях тюремного и воровского жаргона: «*Голéц*. “Блатной” мальчишка; несовершеннолетний пре-

⁸ См., впрочем, [ЭССЯ 26: 229–230], s. v. *obgolʹsʹ, о котором в следующем разделе.

⁹ С обитателей которого Горький писал «На дне» (ср. [Дернова-Пигарева б/д] с библиографией). Ныне на этом месте находится небезызвестный университет.

¹⁰ Близ Хитровки, в Трёхсвятительском переулке.

ступник. Называется также “огольцом”, “гольчиком”» [Трахтенберг 1908: 18]¹¹.

Вне подобных контекстов это слово впервые появляется, по-видимому, в конце 1910-х.

12. Потом сбросил кацавейку и покарабкался на печку. — Куда ты делся-то, *оголец?* — спросила вернувшаяся в избу хозяйка. — Я здесь, — отозвался с печки Тараска. [С. Т. Семенов. Огнепоклонники (1916)]¹²
13. Кидай, *оголец!* — кричал рулевой мальчишке. Пароход замедлил ход. (К. Г. Паустовский [1: 109], «Романтики», 1916–1923)
14. У горелого исполкомского места он сел в каталку и, гулко вертясь, покати́лся вниз, и никто из других мальчиков не мешал ему в этом. Мальчик вскрикивал от удовольствия, — и деревья, и избы, и снег, и воздух, все со свистом кружилось вокруг его одного. На подкате к мосту он увидел солдата над собой, пугливо выскочил из решета и собирался удрать. — Ты не беги, *оголец,* — сказал солдат, беря его за плечо. — Я тебя не съем. [Л. М. Леонов. Барсуки (1924)]

Слово подхватили послереволюционные литераторы с «народным» пафосом. Так, во вводной статье к первому собранию сочинений Демьяна Бедного этот поэт многократно назван *огольцом*:

15. *Оголец* Ефимка благодаря смышленности, а также крепкими кулаченкам [sic] был заводиловкой [sic!] и предводителем среди ватаги сельских мальчишек. За проказы и озорство ему здорово попадало вообще, а особенно от матери. [Ермеев 1924: 8]
16. ...*оголец* Ефимка, пастырь свиней и коней, бедовый парнишка, которому знакомый конокрад пророчил блестящую воровскую будущность... [Там же: 10]
17. Итак, волшебные мечты херсонского *огольца* Ефимки, пастушенка свиней и коней, сбылись. [Там же: 24]

Обратим внимание на упоминание воров.

По-видимому, именно пролетарская литература оказалась увлечена этим словом. Тогдашний критик пишет о рассказе «Оголец» С. М. Беляева (1883–1953), позже ставшего известным благодаря своей научной фантастике: «Скучная ура-агитационная книжка. <...> К парню, улично-

¹¹ Таким образом, утверждение, что это «слово употребляется [в блатном жаргоне] с начала 1960-х годов» в [Зугумов 2015: 13] является одной из многих грубых ошибок этого издания.

¹² Здесь и далее неоговорённые примеры из [НКРЯ].

му вору с большим кабацким стажем, нежной любовью проника<етс>я когда-то наблюдавший его детское озорство рабочий, теперь партиец, и благополучно занимается его обращением на истинный путь. <...> Стилизация под народную речь... определённо не удалась Беляеву» [Красильников 1926: 210]. Подобным образом употребляется оно у А. Ф. Насимовича [1927: 70, 109, 171].

Колоритно частое использование этого слова в повести Сергея Григорьева «С мешком за смертью», насыщенной воровским жаргоном, действие которой происходит во время Гражданской войны:

18. Стасик окрикнул одного из мальчишек:
— Эй ты, *оголец*, поди сюда. Конта не видел? Ну, что лупетки таращишь? Мухарта на блок... [Григорьев 1925: 86; а также 89, 105 et passim]

Аналогично в поэзии:

19. Взбушевалась рекою шпана,
завенели оконца в решетках.
Огольцы все за «фаргом» пошли,
«Погулять» на Московский бан. [Воздвиженский 1925: 98]

Деятельность, которой эти *огольцы* занимались, описана у Гиляровского в главе «Хитровка»:

20. А еще совсем недавно круглые сутки площадь мельтешила толпами оборванцев. Под вечер метались и галдели пьяные со своими «марухами». Не видя ничего перед собой, шатались нанюхавшиеся «марафету» кокаионисты обоих полов и всех возрастов. Среди них были рожденные и выращенные здесь же подростки-девочки и полуголые «*огольцы*» — их кавалеры. «*Огольцы*» появлялись на базарах, толпой набрасывались на торговков и, опрокинув лоток с товаром, а то и разбив палатку, расхватывали товар и исчезали врассыпную. [В. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926–1934)]

Это слово регулярно упоминается в инструкциях по работе с беспризорными и подобным контингентом:

21. Они презирают школу, презирают нового учителя... я решила ответить ребятам подробно и добилась тишины, сначала сравнительной, а потом, когда они увидали, что я говорю серьезно и искренно, полной. И вот, уже неделю как мы говорим, но говорим по-хорошему. Их вопросы все глубже и глубже затрагивают меня, и все больше и больше убеждают меня в том, что передо мной новый ребенок: ни ребенок, ни взрослый. Уже

не *огольцы* доминируют, а все спрашивают, все задают вопросы. [В. В. 1922: 6] (дневник преподавательницы трудовой школы, относящийся к 1918 году).

22. Не бойтесь за инструменты и материал. Если то или другое исчезнет вместе с вашим клиентом, виноват только инструктор: он не сумел настолько заинтересовать *огольца*, чтобы он захотел притти второй раз и закончить начатую работу. Представление о крайней недисциплинированности беспризорных сильно преувеличено: если создать такую обстановку, что в чайной, клубе, ночлежке они почувствуют себя как дома, если функции поддержания порядка будут доверены им самим, — порядок и дисциплина обеспечены, в особенности если дело идет с шайкой, с атаманом во главе. [Б. П. Плюснин-Кронин. Новый этап (1925)]

Ср. также:

23. Из ночлежки в Трудкоммуну,
Ускоряя ход шагов,
На понюшку, карты плюнув,
Шло двенадцать *огольцов*. [Воздвиженский 1925: 108]

Ср. в словаре жаргона преступников: «Оголец — несовершеннолетний преступник; дачный вор» [Потапов 1927: 106] — и «Оталец — начинающий вор, вор подросток» [там же: 108], которое И. Г. Добродомов [2012: 226] справедливо считает опечаткой. Приведённые [там же] материалы (в т. ч. А. М. Селищева) свидетельствуют, что слово *оголец* (с ударением на последний слог) к середине 1920-х распространилось в молодёжном жаргоне в разных регионах.

Характерно использование у Маяковского:

24. Нефть —
    это значит:
        усядья роскошно,
аэрокрылья расставив врозь.
С чистого неба
        черным коршуном
наземь
        бомбу смертельную брось.
Это
        миллионщиком стал *оголец*,
если
        фонтан забьет, бушуя
[В. В. Маяковский. «Это что ж за такая за нефть?..» [Баку, 2] (1927)]

Контекст не позволяет однозначно интерпретировать смысл слова, но мы полагаем, что поэт использует его в том же значении ‘беспризорник’, что позже Горький в киносценарии «Преступники» (1932):

25. *Лисица*. Ну что, *оголец*? Обидели тебя. Идем-ко со мной. Ловко ты дрался с ними. [Горький 1973: 453]
26. *Лисица*. Верно. Теперь распрекрасно можно работать с *огольцами*, с беспризорными, их — сотни.
Козел. Учить их трудно.
Лисица. Помучишь, так научишь. [там же: 456]

В 1930-е и 1940-е оно употребляется уже в более нейтральных контекстах:

27. Мастер протянул руку и поймал за ухо вертевшегося у ворот мальчонку: — На перекресток ступай, *оголец*! Во-он туда... За углом стань. Как хозяйскую упряжку завидишь, гони сюда духом, оповести. [С. Д. Мстиславский. Грач — птица весенняя (1937)]
28. Он слышал разговор, но еще не понимал всего, вернее — не смел понять всего про Петра. Только бы мимо него, сироты, пронесло скорее эти дела! Но Петр не уходил, вертел в пальцах талоны. — Эй, *оголец*!.. Завтра один слетаешь, не заплутаешься, чай? Туда же, куда нынче с дядей Иваном ходил. Держи! [А. Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938)]
29. Милиционер выскочил — старенький уже, усатый — и кричит: «Марш отсюда! Я вас, *огольцов*, всех позабираю!» (К. Г. Паустовский [6: 290], «Дорожные разговоры», 1943)
30. Зашел за ларек, вытащил дрянненький портсигар из кармана, почистил его песочком и, выйдя на толкучку, продал за 9 рублей какому-то *огольцу*... Я с остервенением протолкался к продавцу в ларьке, получил и тут же оплел бутерброд: 100 гр. хлеба и 100 гр. колбасы — 8 р. 70 к... [В. А. Чивилихин. Дневники, письма (1947)]
31. Как поезд подойдет, так бабы, девчонки, *огольцы* — прямо в окна полезут. Кто с чем. Кто, понимаешь, с яблоками, кто с яичками калеными, кто с варенцом... [Александр Галич. Матросская тишина (1945–1956)]

Впервые в общем словаре слово удостоивается толкования «Мальчишка-озорник» с пометой «простореч., бран.» [Ушаков 1938: стб. 750], что, как представляется, не отражает всей полноты коннотаций этого слова. В 1950-е и дальше связь слова с воровским и бродячим миром уже либо неявна, либо даже вообще отсутствует:

32. И день, полный трудных дел и необыкновенных приключений, обычно заканчивался для ребят у теплой и такой уютной стены старой бани, где бабушка рассказывала бесконечную сказку про молодца-*огольца*, который никогда не плакал, не жаловался, но и в обиду никому не давался. [А. И. Мусатов. Большая весна (1957)]
33. Много я вашего брата в расход пустил, много на мне крови господской, офицерской, и хоть бы что. Числа, имени не помню, вся вода растеклась. *Оголец* у меня один из головы нейдет, *огольца* одного я стукнул, забыть не могу. За что я парнишку погубил? Рассмешил, уморил он меня. Со смеху застрелил, сдуру. [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]
34. Потом участковый вылез из машины, похлопывая себя по бокам, как после купания, подошел к середке стана и проговорил: — Здорово-здорово, бабоньки, здорово-здорово, мужики, здорово-здорово, *огольцы*! [Виль Липатов. Деревенский детектив (1967–1968)]
35. Когда все сошлись, топая по крыше, приглядываясь друг к другу в полутьме самого раннего рассвета, нервно и устало посмеиваясь над своими запачканными копотью лицами, Губан потянулся, снял рукавицы, положил за трубу клещи. — Все! Концерт окончен, пошли, *огольцы*, покурим! Ах ты, моя ягодка! — опять заорал он и лапанул Фаину. [Юрий Казаков. Из повести «Две ночи» («Разлучение душ») (1960–1970)]

К 1970-м это слово окончательно становится просто обозначением для детворы:

36. Я вспомнил, как два года назад, когда мы были в пионерском лагере близ Вереи и я там был пионервожатым у третьеклассников, — как однажды на берегу Протвы я читал им, своим *огольцам*, книжку Януша Корчака «Король Матиуш Первый». [Александр Рекемчук. Мальчики // «Юность», 1970]
37. Ребята заходили, смотрели на Левкину мать, она лежала в гробу. Потом какой-то мужчина вышел из дома, стал всех прогонять, ругался негромко, но сердито: «Вы что тут не видели? А ну, марш отсюда, *огольцы*!» [Ю. В. Трифонов. Время и место (1980)]
38. Он потрется возле кона, помнется, поставит пару рюх и царапает затылок, соображает, ждет, а ты переживай: бабочки новенькие, беленькие, ни разу еще на кон не ставленные, не битые, не колотые, вот они, под рубахой, брюхо надуешь или тряхнешься — и заговорили, заворочались, телом твоим согретье, родимые тебе, живые, а на кон их выставишь, так неизвестно, что с ними будет, могут к тебе и не вернуться. Хлестанет *оголец*-удалец панком, весь кон свалит, никому и ударить больше не достанется... [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)] — про игру в городки.

39. Двор был котлом, общиной, судилищем, голодным и справедливым. Мы были мелюзгой двора, *огольцами*, хранителями его тайн, законов, его великого фольклора. Мы знали все. [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)]

При этом слово продолжало существовать и в лагерном жаргоне, см., например, [Городин 2021: 159]. Впрочем, особые коннотации всплывают и ныне:

40. Мат, «феня», наколки, фиксы, малокозырки, тельники, прохаря, чубчики, особая походка и манера сплевывать слюну — все это было обычными атрибутами не только сирот-«*огольцов*» и профессиональных воров, а и обычных пионеров-школьников из обычных семей. [Алексей Козлов. Козел на саксе (1998)]
41. Десятилетний *оголец* из города Городок Витебской области угнал машину «Ауди», чтобы навестить друзей. Был жив папка — не раз давал порулить. Но Толькин отец умер в прошлом году, успев научить сына главному: сцепление, газ, первая... [Вячеслав Ткач. («КП» — Минск»). Толька сказал: «Поехали!» // Комсомольская правда, 2003.10.08]

В современной речи это слово довольно редкое, но существующее. Так, в [ГИКРЯ] обнаружилось 245 вхождений (среди которых, правда, есть фамилии и прочий шум) на 20 млрд словоупотреблений. Пример оттуда:

42. Вообще, все эти «танки по телевизору» для восьмилетнего *огольца* были весьма занятным зрелищем. В то же время, Жириновский, Ельцин, Макашов, желтушно-восковые ГКЧП и их речи мной не воспринимались никак, чего нельзя сказать о взрослых: картинка их интересовала куда меньше того, что им говорили всякие эмоциональные дядьки с экрана телевизора. (19/08/2011, https://m.livejournal.com/read/user/shingo_tln/756253)

Особняком стоит уголовное/воровское *огольць* ‘ключи’ и ‘пальцы рук’ [Скляр, Малаховский 1993: 159; Городин 2021: 159], нуждающееся в дополнительном изучении (возможно, не связаны с интересующим нас гнездом).

7. К происхождению слов круга *огольца*

Прежде всего позволим себе сразу отклонить высказанную между делом в [Скворцов 1974: 142–143] идею, что ‘молодой или мелкий воришка’ является лишь переносным значением слова *оголец* ‘рыба голец’ (в

качестве параллели приводится слово *салага*, якобы в морском жаргоне из *салака* ‘рыба *Clupea harengus membras*’).

Для подтверждения идеи Трубачёва об общей этимологии рус. *оголец* и инославянских слов со значением ‘мальчик, юноша’ разумно было бы искать происхождение изначального, «хитровского» *огольца* в диалектах. Однако источники XIX века ничего не дают; в [СРНГ 22: 334] нет соответствующих значений. Последнее, однако, может быть связано не с тем, что русским говорам чуждо интересующее нас слово, а с тем, что диалектные лексикографы воспринимают его не как локальное, а как общепотребительное просторечие. Ср. пометы в [ССРЛЯ 8: 626] s. v. *оголец*: «обл.» для ‘рыба голец’ и (вслед за Ушаковым) «простореч. бранно» для ‘озорник, сорванец’¹³. В словаре говоров [СРГК 4: 138] *оголец* даётся с пометой «экспр.» и значением ‘сорванец’, с фиксациями в разных районах. Ср. также употребления у авторов (или персонажей), ориентированных на «деревенский» стиль.

Заметим также, что кроме фамилии *Огольцов* (отмеченной в [ЭССЯ 26: 229–230] своим белорусским соответствием *Агальцоў*) существует и фамилия *Огольцев*. В частности, фамилия филолога В. М. Огольцева переводится в белорусскую графику как *Огальцаў*. При этом ударения на первом слоге у нарицательного *оголец* в диалектологии не отмечено [СРНГ 22: 334]¹⁴. Приведённое в [ЭССЯ 26: 229–230] без ударения блр. *агалец* — явный русизм. Несколько нестандартно записанное в [РСВ 1: 32] блр. *ага́лец* ‘свавольнік’, но, впрочем, не противоречит нашему тезису о русском происхождении белорусских форм — см. записанное на великорусской территории в молодёжном жаргоне *агалёц*, *ага́льчик* с толкованием «мальчишка» [Копорский 1928: 49]; *-á-* лишь свидетельствует, что внутренняя форма слова уже непрозрачна (ср. также фамилию *Агальцев*).

¹³ В новом издании словаря [БАС 13: 477] основным значением указано ‘мальчишка, подросток’, а помета «бранно» снята, что представляется вполне оправданным для современного языка, однако такое толкование делает непонятным употребление Горького и т. п.

¹⁴ Ударение **о́голец* объяснялось бы так наз. перемаркировкой по модели «засуха», см. об этом [Зализняк 1985: 154]. Заметим, что это едва ли не единственное формальное свидетельство, что *о-* в данном слове — префикс. Ср. ихтионим: «...никогда не забуду свою милую говорливо-журчащую речонку, где ловил *огольцев* и пескарей» [А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1932–1935)] — не подразумевает ли такая орфография инициального ударения?

В [ЭССЯ 26: 229–230] сюда же отнесено взятое из деулинского словаря *огólка*, толкуемое как «то же, что *огóлтуи* [“о непутевом, непослушном человеке”], но по отношению к женщине или девушке» [Оссовецкий 1969: 362]. Это слово, хотя и живо напоминает западнославянские слова со значением ‘девушка, девочка’, которые мы связываем с континуантами праславянского *golvьsь, не имеет к интересующему нас гнезду никакого отношения, что явствует уже из толкования первоисточника: оно вместе с *огóлтуи* связано¹⁵ с глаголом *оголтѣть* ‘ошалеть, одуреть’ (калуж., тульск., ряз. и т. д.), ср. *оголтень* ‘неслух’ (курск., ряз. и др.) и соответствующее диалектное значение слова *оголтѣлый* ‘озорной, непоседливый’ [СРНГ 22: 336–337] — для всех этих слов можно восстанавливать в качестве корня только **gьlt-* (о котором см. [ЭССЯ 27: 52; Журавлёв 2005: 213–214]), так что предложенная в [ЭССЯ 26: 229] реконструкция *obgolvьka совершенно фантастична.

Далее, выведя из числа *comparandorum* белорусские формы и *оголку*, в качестве продолжений предполагаемого праславянского *obgolvьsь согласно [там же: 229–230] остаётся только ст.-слвц. *oholec* ‘лысый’ и рус. *оголец* с разными значениями — как кажется, это независимые образования, так что реконструкция их общего предка в высшей степени сомнительна¹⁶.

Если же связывать, вслед за Трубачёвым, рус. *оголец* ‘сорванец’ с инославянскими параллелями типа словен. *golec* ‘парень’, то обращает на себя внимание различие в ассертивной зоне значения: если для рус. *оголец* ключевым является озорство, непоседливость, то для предполагаемых когнатов — сам факт молодости.

Однако, как мы надеялись показать в предыдущем разделе, исходно семантика интересующего нас слова связана с нищими и беспризорниками. В этом отношении обращает на себя диалектное *оголѣчество* ‘беднота’, представленное в [СРНГ 22: 334] единственным примером из Псковской губернии, которое может свидетельствовать о том, что изначальная мотивировка лексемы *оголец* связана с хорошо известными словами типа *гольтьба*, *голь* ‘бедняк(и)’ и т. п. [СРНГ 6: 346–348] (ср. также белорусское *галѣча* ‘нищета’ [slounik.org]).

¹⁵ Насколько нам известно, никто до сих пор не обращал на это внимания.

¹⁶ Ср. невероятную реконструкцию **obgolimь(jь)* в [ЭССЯ 26: 218] на основе единственной (!) русской диалектной записи *оголимый* ‘сплошной’, связанной со словом *голимый* [Киреев 2018].

Надо думать, что Трубачёв имплицитно предлагает видеть в *огольце* нерегулярный протетический гласный. Если же считать *о-* «нормальным» префиксом, то это слово должно быть дериватом глагола *оголѣти ‘сделать голым, т. е. неимущим’ (ср. диал. *оголеть* ‘обнищать’ [СРНГ 22: 334]). Если такое предположение верно, то это тоже могло бы свидетельствовать в пользу сепаратного происхождения *огольца*. Однако оно уязвимо, поскольку в таком случае скорее ожидалась бы форма *оголенец, ср. *оборванец*, *ободранец* (модель как в *переселенец*, *уроженец* и т. д.).

Впрочем, возможно и иное решение: мы действительно имеем дело с асемантической протезой, но этимоном в любом случае следует предполагать диал. *голец* ‘нищий’ [СРНГ 6: 292], которое нельзя счесть континуантом праслав. *gōľьсь ‘юноша’. Сильным свидетельством в пользу такой трактовки является приведённая выше статья из словаря блатного жаргона [Трахтенберг 1908: 18], которая отождествляет слова *голец* и *оголец*. Однако эти данные остались изолированными: нам не удалось обнаружить контекстов *гольца*, в которых была бы предпочтительна интерпретация ‘ребёнок’ или ‘парень’. Употребление того времени проиллюстрируем примером из Горького:

43. Потом шатается со стороны на сторону *голец*, бедняк, обессиленный, крепко злой, ни во что не верующий и запьянцовский народ: им, главное, угоститься бы вином, и за стакан — они идут на всё. А в стороне — подростки, человеки всё больше серьёзные, хмурые, вдумчивые, они ну-тром понимают силу грамоты и на отцов смотрят косо, неодобрительно. [Максим Горький. Лето (1909)]

8. О старорусском *голець*

В восточнославянской письменности XI—XIV веков слова *гольць не обнаружено [СДРЯ 2]. В более позднее время фиксируются *голцы* мн. ‘рыба голец’ с XVI века, *камень голець* ‘не покрытые растительностью камни’ в XVII веке [СРЯ XI—XVII 4: 61]; все эти значения находят продолжение в языке XVIII века [СРЯ XVIII 5: 152], частично и в современных диалектах [СРНГ 6: 292]. Отметим также староблр. *голець* ‘дубец’ (т. е. ‘прут’) [ГСБМ 7: 32].

Все эти слова не имеют интересующей нас семантики. Однако в исторической лексикографии ещё со Срезневского [1: 541] помечается как неясный один контекст из духовной грамоты Ивана Тойвита о вкладе в Михайловский Архангельский монастырь и о состоянии его финансо-

вых обязательств [СРЯ XI–XVII 4: 61]. В [ЭСРЯ МГУ 1/4: 51] предлагается видеть здесь ихтионим, на неверность чего указано в [Аникин 11: 121].

Прежде всего отметим, что, согласно В. Л. Янину, интересующий нас документ написан не позже начала 1420-х годов [Янин 1990: 304] (хоть и дошёл в списке XVII века), так что мы имеем дело с древнейшей фиксацией слова *голецъ* в восточнославянской зоне.

Приведём грамоту целиком по публикации [ГВНП 1949, № 234] (нынешнее место хранения оригинала — Рукописный фонд БАН, шифр: Арханг. 1192, л. 151–152):

Во имя отца і сына і свягатаго духа. Се язъ рабъ божиин Иванъ Тоивитъ пишу сие рукописание при своемъ животоѣ своимъ дѣтемъ. А что земли участокъ Тоивитовъ три полца, опричь деловой земли, что дѣти делились, а то святому Михаилу; да сѣнникъ, да клѣтъ на подклѣте, да четверть хмелника, і то все святому Михаилу в вѣки. А что порубили Тоивита в поралье, выдале *голецъ* Ѡдодору Тимоѡѣву в семи сорокехъ, в Кургонемской да в Низовской трети. А что заплатилъ Пугва десять рублевъ в Курьи за низовцевъ, [и то] без розруба Тоивитъ далъ. І далъ есмь Савелью Іевлевичю два рубля за низовцовъ, и то на низовцахъ на крестьянехъ. А коли заняли у Савелья, и я, к занимамъ не ходя, далъ есмь три рубли свою. Коли заняли у Пугвы, и я, не ходя к занимамъ, далъ есмь рубль свои. А коли послали ест с тѣмъ в Новгородъ, тогды доспѣлося мнѣ убытку двенатцать рублевъ; а ходилъ с Микитою тогды. А тутъ сидѣлъ у рукописания: Юрье Даниловичъ, да дяконъ михаиловской Демидъ, да Самыла. [А на то богъ] послухъ да свягый Михаилъ і отецъ мой душевной игумень Аѡнасен.

Фрагмент вызывает устойчивые трудности у лексикографов: в [СРЯ XI–XVII 17: 135] употребление глагола *порубити* в этой грамоте выделено в отдельное значение, вместо толкования — знак вопроса.

К тому моменту уже вышла работа А. А. Зализняка о древнерусском глаголе *рути* ‘подвергать кого-либо конфискации имущества’, в которой указывалось, что по крайней мере начиная с XIV века слово (*но*)*рубити* могло употребляться в том же значении [Зализняк 1986: 169].

Представляется, что ничего не противоречит соответствующей интерпретации в данном контексте. Причём, думается, в *поралье* (‘пóдать посаднику’, см. [Янин 1990: 304]) следует читать именно как аккумулятив, а не локатив: ср. про управление *рути* и *рубити* ‘конфисковать’: «возможно, *въ* с винительным значило здесь ‘за кого, за что’, а *въ* с местным — ‘на какую сумму’» [Зализняк 1986: 172]. Таким образом, пассаж *А что порубили Тоивита* (асс.) в *поралье* (скорее асс.), *выдале голецъ* (асс.)

Фёдору Тимофееву в семи сорокехъ (скорее loc.), по нашему мнению, следует переводить примерно как ‘а что касается конфискации имущества Тойвита за неуплоченную пошлину, (то я, Тойвит,) передал голец Фёдору Тимофееву в семь сороков’. На то, что в *семи сорокехъ* — это стоимость *гольца* (и сумма долга, очевидно), указал ещё А. А. Шахматов [1903: 49].

[Там же] слово *голецъ* предлагается понимать как имя собственное — указывается на остров *Голец* в устье Северной Двины. Не оспаривая такой трактовки, заметим, что указанная лексема здесь может быть интерпретирована и как апеллатив со значением ‘голый участок земли’, засвидетельствованным в русских диалектах [СРНГ 6: 292].

Итак, единственный возможный след значения ‘мальчик, парень’ у слова *голец* в восточнославянской зоне — употребления Якуба Коласа.

III. *goliti

Обратим внимание на семантику рефлексов глагола *goliti: значение ‘брить’ отмечено в чешском, словацком, лужицких, польском, словенском, русском, украинском, белорусском, а в болгарском и македонском зафиксировано только ‘обнажать, грабить’ и т. п. [ЭССЯ 6: 207; SP 8: 41–42].

В связи с этим кажется перспективной старая идея, что значение ‘*gadere*’ у рефлексов *goliti в восточнославянском происходит из польского, неуверенно высказанная в [ЭСБМ 3: 31]. Там же указано, что вопрос может быть разрешён только дополнительными хронологическими изысканиями. Приведём доступные нам данные: в [СРЯ XI–XVII 4: 61] единственный пример датирован концом XVII века; в старобелорусском и староукраинском соответствующее значение отмечается с XVI века (в словаре [ССМ XIV–XV] не фиксируется), см. [Аникин 11: 122] с библиографией; в старопольском же — по крайней мере с XV века, т. е. с самых ранних употреблений глагола *golić* [SStp 2/6: 451; Voryś 2005: 170–171]. Эти данные, как нам кажется, позволяют принять гипотезу [ЭСБМ]; осторожность А. Е. Аникина [11: 123] чрезмерна.

IV. Заключение

Итак, значение ‘парень’ у предполагаемых рефлексов праслав. *golvьsь ограничено западно- и южнославянскими идиомами. Прихотливое распространение такого значения привлекало внимание исследователей внутриславянских изоглосс. Так, Иван Попович относил *golvьsь ‘юно-

ша' к словенско-чакавско-чешским изолексам [Porović 1960: 33]¹⁷, Гинц Шустер-Шевц [1976: 77] — к лужицко-чешско-сербохорватским. Как видим, вышеприведённый материал свидетельствует о более широком распространении соответствующего слова.

При этом значение 'брить' у рефлексов *goliti не засвидетельствовано в болгарском, македонском и неисконно в восточнославянских языках (т. е. в тех языках, где у континуантов *golъсь не отмечено значения 'парень')¹⁸.

Это позволяет предположить, что значения корня **gol-*, связанные с безволосостью, не были известны предковым диалектам восточнославянской и болгаро-македонской зоны.

Источники

- В. В. 1922 — В. В. Из дневника педагога // Вестник просвещения. М., 1922. № 1 (январь). С. 4–8.
- Воздвиженский 1925 — *Воздвиженский Д.* В кепарке — Рукавниках (Из быта беспризорных) // Вестник просвещения. М., 1925. № 9 (сентябрь). С. 97–108.
- ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ин-т истории АН СССР, Ленингр. отд-ние; подгот. к печати В.Г. Вейман и др.; под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- ГИКРЯ — Генеральный интернет-корпус русского языка. <https://int.webcorpora.ru/drake/>
- Горький 1973 — *Горький М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах. Т. 19. М., 1973.
- Григорьев 1925 — *Григорьев С. Т.* С мешком за смертью (Железный путь). Повесть. 2-е изд. М.; Л., 1925.
- Ермеев 1924 — *Ермеев К. С.* К первому изданию // *Демьян Бедный*. Собрание сочинений: В 1 т.: 1909–1923; 2-е изд. М.: Рабочая газета, 1924. С. 3–24. Беспл. прил. к «Рабочей газ.».
- Колас 1–14 — *Колас Я.* Збор твораў у 14 тамах. Мінск, 1972–1978.
- Колас 1952 — *Колас Я.* Збор твораў у 7 тамах. Т. IV. Мінск, 1952.

¹⁷ Трубачёв [1963: 170] же, относивший сюда и рус. *оголец*, — к словенско-чакавско-чешско-русским.

¹⁸ Вообще оговоримся, что в разных частях славянского ареала зафиксированы слова с корнем **gol-*, близкие по значению к интересующим нас лексемам, однако возникшие, по-видимому, независимо; иногда их семантическая мотивация связана с раздетостью (болг. диал. *голка* 'която ходи гола' [БЕР 1: 261]), иногда, вероятно, — с бедностью (рус. *оголец*).

- Красильников 1926 — *Красильников В.* [Рец. на] Сергей Беляев. Пожар. Рассказы. Изд. «Земля и Фабрика». М.; Л., 1926 // Печать и революция. М., 1926. Кн. 4, июнь. С. 210.
- Курнин 1898 — *Курнин С. В.* Отчет Комиссии по вопросу о Хитровом рынке // Отчет Городского попечительства о бедных 2-го и 3-го участков Мясницкой части за 1897 год. М., 1898. С. 39–59.
- Ляпинский 1901 — Ляпинский ночлежный дом в Москве // Записки Московского отделения Императорского Русского технического общества. 1900 г. Вып. 5–6 / под ред. К. К. Мазинга. М., 1901. С. 45–48.
- Насимович 1927 — *Насимович А.* Топор. Рассказы. М., [1927].
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: ruscorpora.ru
- Паустовский 1–9 — *Паустовский К. Г.* Собрание сочинений в 9 томах. М., 1981–1986.
- Frenzel 1706 — *Das neue Testament unsers Herrn Jesu Christi.* In die OberLausitzische Wendische Sprache übersetzt, von Michael Frenzel. Zittau, 1706
- hotko_v2 — Hornolužický textový korpus. https://www.korpus.cz/kontext/query?corpname=hotko_v2
- Kochowski 1859 — *Wespazyana Kochowskiego wojskiego Krakowskiego pisma wierszem i prozą.* Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. Kraków, 1859.
- KLA — Kartotéka lexikálního archivu, 1911–1991. <https://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>
- Potocki 1907 — *Potocki W.* Ogród fraszek. Wydanie zupełne Aleksandra Brücknera. Lwów, 1907.
- Potocki 1987 — *Potocki W.* Dzieła. Т. 1. [Warszawa:] Państwowy Instytut Wydawniczy, 1987.
- Robinson mlajši — *Robinson mlajši.* Iz českega prepisal Oroslav Cafov. Gradec, 1849.
- slounik.org — Беларускія слоўнікі і энцыклапедыі. <http://slounik.org/>

Словари

- Аникин 11 — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь, Вып. 11 (глюки — грайка). М., 2017.
- Арашонкава, Чабатар 2003 — *Арашонкава Г., Чабатар Н.* Тлумачальны слоўнік адметнай лексікі ў творах Якуба Коласа. Мінск, 2003.
- БАС 13 — Большой академический словарь русского языка: В 30 т. Т. 13: о — опор / Гл. ред. А. С. Герд. М.—СПб, 2009.
- БЕР 1 — Български етимологичен речник. Т. I (А–З) / съставили: Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев; редактор: Вл. И. Георгиев. София, 1971; фототипно издание: София, 2007.
- Гаўрош 1998 — *Гаўрош Н. В.* Слоўнік эпiгэтаў беларускай мовы. Мінск, 1998.
- Городин 2021 — *Городин Л. М.* Словарь русских арготизмов. Лексикон каторги и лагерей императорской и советской России. М., 2021.
- ГСБМ 7 — Гiстарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 7. Мінск, 1986.
- Даничић 1863 — *Даничић Ђ.* Рјечник из књижевних старина српских. Дио 1: А–К. Београд, 1863.

- Зализняк 2019 — *Зализняк А. А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд., расширенное и переработанное. М., 2019.
- Зугумов 2015 — *Зугумов З. М.* Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. М., 2015 (Серия «Библиотека профессиональных словарей»).
- Копорский 1928 — *Копорский С. А.* Воровской жаргон в речи ярославских школьников // Ярославский край. Сб. 1. Ярославль, 1928 [на обл. — 1929].
- Оссовецкий 1969 — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Потапов 1927 — Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / составил по новейшим данным С. М. Потапов. М., 1927.
- РСВ 1 — Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Ч. 1. Віцебск, 2012.
- РСКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. III. Београд, 1965.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–. М., 1988–.
- Скляров, Малаховский 1993 — Словарь современного жаргона преступного мира / сост. Э. Л. Скляров, А. С. Малаховский. Архангельск, 1993.
- СРГК 4 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 4 / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1999.
- Срезневский 1 — Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И. И. Срезневского. Т. I. СПб., 1893.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. Л., СПб.: 1965–.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–. Л., 1984–.
- ССМ XIV–XV — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. I: А–М / ред. Л. Л. Гумецька та ін. Київ, 1977.
- ССРЛЯ 8 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 8. М.; Л., 1959.
- Трахтенберг 1908 — *Трахтенберг В. Ф.* Блатная музыка («жаргон» тюрьмы) / под ред. и с предисл. проф. И. А. Бодуэна-де-Кургенэ. СПб., 1908.
- Ушаков 1938 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. Л.—Ояловеть. М., 1938.
- ЭСБМ 3 — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 3. Г–І / [Р. У. Краўчук [і інш.]; рэдактар В. У. Мартынаў]. Мінск, 1985.
- ЭСРЯ МГУ 1/4 — Этимологический словарь русского языка. Т. I, вып. 4: Г / под ред. Н. М. Шанского. М., 1972.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–. М., 1974–.
- Boryś 2005 — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- DPŚ 1939 — *Nitsch K.* Dialekty polskie Śląska. Kraków, 1939.
- Eichler 1965 — *Eichler E.* Etymologisches Wörterbuch der slawischen Elemente im Ost-mitteldeutschen. Bautzen, 1965.
- Kálal 1923 — *Kálal K., Kálal M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí (slovensko-český diferenciálny): na základe slovníkov, literatúry aj živej reči. Banská Bystrica, 1923.
- Králik 2015 — *Králik L.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.

- Miklosich 1886 — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1886. <https://bookree.org/reader?file=670410&pg=3>
- Pfuhl 1866 — *Pfuhl C. T.* Łużiski serbski słownik. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budyšin, 1866.
- Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Del I, II. Ljubljana, 1894, 1895.
- Pohlin 1781 — *Pohlin M.* Tu malu besedishe treh jesikov. Laibach, 1781.
- PSJČ — Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957.
- Rejzek — *Rejzek J.* Český etimologický slovník. Leda, 2001.
- RHSJ 3 — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio 3. Zagreb, 1887–1891.
- Schuster-Šewc 5 — *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bd. 5: Hlub–Hwězda. Bautzen, 1978.
- SGP 1901 — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. 2: F–K. Kraków, 1901.
- SGP 2013 — Słownik gwar polskich. T. 8, z. 4 (27): Gnać (się) — Gościnka. [Kraków:] Instytut Języka Polskiego PAN, 2013.
- Soblex — Hornjoserbsko-němski słownik. <https://soblex.de/>
- SP 8 — *F. Sławski* (red.). Słownik prasłowiański. T. 8: Goda–Gyža. Wrocław, 2001.
- SStp 2/6 — Słownik staropolski. T. II, z. 6 (12): Gdyż–Górny. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1958.
- SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960–1971.
- SSN — Slovník slovenských nářečí. Zv. 1: A–K; zv. 2: L–P. Bratislava, 1994, 2006.
- Starosta 1999 — *Starosta M.* Niedersorbisch-deutsches Wörterbuch. Bautzen, 1999.
- Šumavský 1851 — *Šumavský J.* Česko-německý slovník. Praha, 1851.

Литература

- Брандт 1889 — *Брандт P.* Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича (продолжение) // Русский филологический вестник. 1889. Т. 22, [№ 3]. С. 112–144.
- Варбот 1976 — *Варбот Ж. Ж.* О некоторых продолжениях гнезда слав. *goľъ в русских диалектах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974 / отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1976. С. 117–120.
- Дернова-Пигарева б/д — *Дернова-Пигарева О. И.* Каталог книжно-иллюстративной выставки из серии «Исторический квартал» / Государственная публичная историческая библиотека. 14 с. https://www.shpl.ru/images/cms/data/hitrovka_katalog_vystavki.pdf
- Добродомов 2012 — *Добродомов И. Г.* Из истории двух жаргонизмов: *пацан* и *шкет* на лексикографическом фоне // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 224–238.
- Журавлёв 2005 — *Журавлёв А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. Репринт в: Труды по акцентологии. Т. I. М., 2010.
- Зализняк 1986 — *Зализняк А. А.* [§ 74–77.] *рути* «подвергать конфискации имущества» // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 168–174.

- Киреев 2018 — *Киреев Н. И.* К истории слова *голимый* // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 148–158.
- Куркина 1992 — *Куркина Л. В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992 (Opera / Academia scientiarum et artium slovenica. Classis II: Philologia et litterae; 38).
- Первольф 1886 — Славяне: их взаимные отношения и связи. Сочинение Иосифа Первольфа. Т. I: Очерк истории Славян до XVIII века. Варшава, 1886.
- Скворцов 1974 — *Скворцов Л. И.* Орфография просторечных и жаргонных слов // Нерешённые вопросы русского правописания / отв. ред. Л. П. Калакуцкая. М., 1974. С. 133–153.
- Трубачёв 1963 — *Трубачёв О. Н.* О составе праславянского словаря (проблемы и результаты) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. М., 1963. С. 159–196. Репринт: *он же.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Opera etymologica. Звук и смысл). С. 260–297.
- Шахматов 1903 — *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. II. СПб., 1903. (Исследования по русскому языку. Том II, вып. 3).
- Шустер-Шевц 1976 — *Шустер-Шевц Г.* Язык лужицких сербов и его место в семье славянских языков // Вопросы языкознания. 1976. № 6. С. 70–86.
- Янин 1990 — *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV веков. Хронологический комментарий. М., 1990.
- Bystron 1887 — *Bystron J.* O mowie polskiej w dorzeczu Stonawki i Lucyny w księstwie Cieszyńskim // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności. T. XII. Kraków, 1887. S. 1–110.
- Halla-aho 2006 — *Halla-aho J.* Problems of Proto-Slavic Historical Nominal Morphology: On the Basis of Old Church Slavic. Helsinki, 2006 (= Slavica Helsingiensia, 26).
- Kolberg 1877 — *Kolberg O.* Rzecz o mowie ludu wielkopolskiego // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej wydawany staraniem komisji antropologicznej akademii umiejętności w Krakowie. T. I. Kraków, 1877. Dział etnograficzny, s. 3–36.
- Kosiński 1891 — *Kosiński W.* Niektóre właściwości mowy pisarzowickiej // Sprawozdania komisji językowej akademii umiejętności. T. IV. Kraków, 1891. S. 1–34.
- Malinowski 1893 — *Malinowski L.* O niektórych wyrazach ludowych polskich. Zapiski porównawcze // Rozprawy akademii umiejętności. Wydział filologiczny. Kraków, 1893. Serya II. Tom II. S. 1–102.
- Popović 1960 — *Popović I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
- Stankiewicz 1986 — *Stankiewicz E.* The Slavic Languages: Unity in Diversity. Berlin, 1986.

Summary

*Pavel Dolgopolov,
Niyaz Kireyev*

Proto-Slavic *golъ seen through some derivatives

In the article, we propose a specification of semantics of the Proto-Slavic root *gol- / adjective *golъ with the help of linguogeographic analysis of several derived terms. The main part of the work is dedicated to the word *golъсь meaning 'beardless young man'. It is discovered that the descendants of this noun are most prominent in Czech and Sorbian languages and also found in some Polish, Croatian and Slovene dialects. Attention is drawn to a previously unnoticed Belarusian word *голец*, attested several times in works by Jakub Kołas; a hypothesis about its Polish origin is put forward. An excerpt from a Novgorodian manuscript of XV century of Ivan Toyvit, usually considered obscure, is analysed, the word *голець* is interpreted as 'bare plot of land'. For the first time, the history of the Russian word *оголец* 'naughty boy' is thoroughly examined. It is concluded that its original meaning has to do with poverty, and argued that it is not related etymologically to *golъсь. In the next section of the publication, we uphold the old hypothesis that the verb *голити* in East Slavic dialects obtained the meaning 'to shave' under Polish influence; it is noted that the cognates of this verb in Bulgarian and Macedonian do not appear to have such semantics either. In conclusion, a thesis is put forward that the meanings of the root *gol- having to do with hairlessness were unknown to the ancestral dialects of the East Slavic and Bulgarian-Macedonian zone. Thus, our analysis shows that the semantics of the root *gol- may have been different already in Proto-Slavic dialects and illustrates the significance of dialectological studies for semantic reconstruction.

Keywords: semantic reconstruction, linguogeography, dialectal vocabulary, etymology, Proto-Slavic dialects, derivational semantics, word formation